В.И. Сигов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные тенденции мировой экономики получили название глобализации. Но само понятие «глобализация» трактуется с противоположных позиций. Формируемое глобальными СМИ мировое общественное мнение рассматривает глобализацию как закономерный финал общественного развития, высший этап интеграции, снимающий последние этно-конфессиональные и национально-государственные преграды на пути объединения человечества в единое общество, где свободное развитие каждого станет необходимым условием свободного развития всех. Согласно другой точке зрения, глобализация представляет собой деструктивный процесс дезинтеграции всех социальных общностей на основе паразитарного перерождения международных экономических отношений.

Важнейшая черта глобализации, отмечает М.Г.Делягин, – «формирование единого мирового не просто финансового или информационного рынка, но целостного финансово-информационного пространства, в которое погружается не только коммерческая, но и вся деятельность человечества»[1]. В связи с этим глобализацию можно определить как коммерциализацию всех общественных отношений на базе всемирных финансово-информационных технологий.

Капитализм объективно ведет к универсализации отношений купли-продажи. Универсализация отношений купли-продажи проявляется, в том числе, в приватизации власти и собственности. По мнению глобальной олигархии, власть – это самый дорогой товар, который должен принадлежать самым богатым. Образование на месте национальных государств множества этно-суверенитетов означает продажу национальных интересов. Для этого требуется «освобождение» новых властных элит, как от контроля прежних «имперских» центров, так и со стороны собственного населения. Но в этих условиях товарный обмен между центрами глобальной власти и компрадорскими элитами, не имеющими поддержки сни-

[1] См.: *Делягин М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003. С. 271

зу, заведомо не может быть эквивалентным, протекающим по законам конкурентного рынка. Здесь одна сторона диктует свои цены и свои условия, другая вынуждена соглашаться.

Современные технологии формирования сознания выхолащивают понятие демократии, даже в том примитивном виде, в котором его используют на Западе. В нынешней политической практике под демократией понимается совокупность правил избрания представителей законодательной власти и процедур принятия коллективных решений. Волеизъявление масс как объективное ограничение падения качества политического управления нивелируется современными технологиями формирования сознания. О масштабах манипуляции сознанием при применении выборных технологий свидетельствуют данные опроса 57 тыс. взрослых людей в 60 странах мира, проведенные Институтом Гэллапа по заказу ООН в 1999 г.: в большинстве стран большинство опрошенных заявили, что выборы в их странах были свободными и справедливыми. Несмотря на это две трети из общего числа респондентов высказали мнение, что их страны управляются не волей народа. Это мнение прозвучало даже в некоторых старейших демократиях мира[1]. Причина подрыва демократии в ходе глобализации заключается в ослаблении суверенитета государств и перерождении национальных элит.

Самоопределение наций происходит через национально-государственную форму обобществления производства и становление и развитие национальной культуры. Поэтому необходимо подробнее остановиться на этих процессах.

Национально-государственная форма обобществления производства возникает в результате индустриализации. Сущность процесса индустриализации заключена в переходе от ручного труда к машинному. Поэтому ключевую роль в формировании национальной экономики играет развитие машиностроения. Машиностроение становится возможным благодаря применению в производстве научных знаний и требует выделения науки как отрасли народного хозяйства. Производство знаний превращается в ведущий вид производства, что находит отражение в опережающем росте занятости в науке и в научном обслуживании. Для создания техники и ее эксплуатации нужны квалифицированные кадры. Возникает объективная потребность в формировании системы подготовки

[1] См.: *Делягин М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. С. 173.

кадров и развитии народного образования. Индустриализация ведет к росту городов, в которых расширяется сфера обслуживания населения.

В ходе промышленного развития возникают системы, охватывающие национальную экономику и превращающие отдельные предприятия в части всеобщего технологического целого. На первой стадии обобществления образуется единая энергосистема целого. На второй стадии формируется единая система материального обращения, при которой транспорт выполняет функции конвейера, связывая в единый технологический процесс промежуточные этапы создания конечного продукта и доведения его до потребителя. На третьей стадии благодаря развитию связи и информатики достигается тесное сопряжение процессов производства и потребления, сводящее к минимуму не обеспеченное спросом предложение.

Национальная экономика безотносительно от форм собственности на средства производства ориентирована на удовлетворение потребностей народа. Поэтому национально-государственная форма обобществления производства ведет к выравниванию уровня социально-экономического развития разных стран мира.

Культура как совокупность системы ценностей, стереотипов мышления и поведения является главным фактором устойчивости общества, его неразрушительной приспособляемости к внешним воздействиям. Определяя и сохраняя национальный характер и психологию в условиях общей изменчивости, «культурный код» общества служит аналогом генетического кода. При помощи культурных стереотипов фиксируются и поддерживаются общественные интересы. Культура как аккумулятор исторической памяти и механизм социального наследования выполняет функцию гармонизации социоприродной эволюции, устанавливая ограничения на деятельность человека. Система ограничений «вписывает» его в социальную общность и расширяет возможности нормального сосуществования общественных групп (сословий, классов, социальных страт).

Каждое общество стремится культивировать те социальные качества людей, которые обеспечивают его устойчивость. В государстве всегда господствует идеологический культ, освященный авторитетами, который и формирует стереотипы поведения. Общественные интересы в психологии личности проявляются через веру и патриотизм. Религия объединяет верующих в духовное

братство, смягчая социально-классовые противоречия, однако конфессиональные различия могут противопоставлять их друг другу. Наиболее адекватное отражение общественный интерес находит в патриотическом чувстве.

Патриотизм означает любовь к родине, желание блага Отечеству. Отечество соединяет понятия «народ» и «культура». Это народ, взятый в историческом единстве всех прошедших, ныне живущих и будущих поколений, и созданная им духовная и материальная культура, воплощенная в его мировоззрении, искусности и социальных условиях жизнедеятельности. Освоение территории требует огромных трудозатрат, а ее защита от врагов сопряжена с человеческими жертвами. Каждый народ формирует среду жизнедеятельности, передавая ее последующим поколениям. Для поступательного движения в истории ему необходимо культивирование патриотизма, способности к самопожертвованию во имя родины. Поэтому народные сказания, легенды, эпосы прославляют защитников Отечества, а государственные религии причисляют их к лику святых. В национальных святынях закреплен приоритет общественных интересов над групповыми и личными. Патриотизм, в отличие от расизма, основан на «почве», а не на «крови». Он объединяет живущие в одном государстве этносы перед внешней угрозой и всегда оборонителен.

Рост сложности и организмичности систем как феномен эволюции живого мира сопровождается их интеллектуализацией. Главная задача общественного интеллекта – самопознание и формирование проекта будущего, стратегическое планирование национального развития. Национальная культура требует национальной идеологии. Такой идеологией, отвечающей духовным устремлениям любой нации, выступает национализм. Британская энциклопедия определяет национализм как верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных и групповых интересов. Здесь кроме чувства патриотизма необходимо еще и понимание национальных интересов. Поэтому национализм – это направленный в будущее патриотизм, который, опираясь на достижения прошлого, намечает контуры будущего нации, ищет ее пути в видовое и социальное бессмертие. Возможность осознанного проектирования будущего обеспечивает концептуальную самостоятельность и свободу национального развития, а значит, и свободное гармоничное развитие национальной личности.

Таким образом, если патриотизм – это пафос прошлого, то национализм – пафос будущего. Национализм, в отличие от патриотизма, не оборонителен, а наступателен, но его оружием является общественный интеллект, вырабатывающий стратегическую ментальность народа и его идейные основы.

Национальность человека задается не его этнической принадлежностью, а нравственным самоопределением. На уровне инстинкта самосохранения человек стремится сохранить не только себя, но и других, кто связан с ним семейными узами. Такое стремление укрепляется и расширяется в процессе культурного развития. Поэтому сохранение человека во всей полноте его биосоциальной природы, сущностных сил и способностей означает сохранение народа, к которому он принадлежит и на благо которого должна направляться его деятельность. В этом смысл нравственного развития человека.

Национальная идеология воплощает в себе идею солидарной заботы людей о своем будущем, объединяющую всех перед лицом ощутимой угрозы потери будущего или распада внятной и приемлемой картины будущего, как достояния любого человека данной культуры. Утрата потомками языка и культуры предков означает окончательное поражение в международной конкуренции, сохранение и развитие своей культуры – победу.

Если межнациональная интеграция регулируется государствами, которые контролируют потоки товаров, капиталов и людей, то наднациональная глобализация дерегулирует рынок, уничтожает народы и государства и обезличивает человека. Она создает глобальный «человейник» – всемирную унифицированную массу потребителей благ, производимых ТНК. В деятельности ТНК тесно переплетены производственно-торговые и спекулятивные интересы, которые в условиях глобализации начинают преобладать. Через сеть инвестиционных фондов транснациональными корпорациями реально владеет весьма ограниченный круг олигархических семейных кланов. Глобализация выгодна лишь ТНК, для которых слом торговых и финансовых барьеров означает резкий рост объемов продаж при снижающейся себестоимости продукции.

Транснациональная форма обобществления производства, связанная с вывозом капитала и институализацией международной финансовой олигархии, углубляет социально-экономическое неравенство и закрепляет механизмы глобального ограбления большинства человечества. Деятельность транснациональных

корпораций направлена на захват рынков сбыта и получение прибыли. Императив максимизации продаж и прибыли исключает социально-экологическую переориентацию производства и ведет к паразитарному перерождению государственных структур, подвергающихся массированному коррумпированию в целях принятия выгодных для ТНК решений. Отнюдь не случайно все попытки провести через ООН кодекс деятельности ТНК оказались тщетными.

Предприятия ТНК де-факто выступают анклавами в национальной экономике, обладающими в большей или меньшей степени правами экстерриториальности. Поэтому победа радикальных национально-освободительных движений сопровождается национализацией иностранных предприятий, а отказ от курса на самостоятельное национальное развитие оборачивается ликвидацией государственного сектора экономики с утилизацией его остатков ТНК и вывозом прибылей за границу. Подвергая себя без учета своих национальных интересов законам мирового рынка, всякое государство на самом деле разрушает внутренний рынок и собственную экономику.

В книге У. Энгдала «Глобализация как разрушитель индустрии и могильщик производительных сил» показано, что стремление к выносу «грязных» и трудоемких производств в менее развитые страны является деструктивной альтернативой модернизации промышленного производства на местах. Вместо развития промышленности в национальных рамках происходит консервация ее технико-технологической отсталости путем транснационализации, то есть выноса в другие страны. Положение, когда одни страны выступают в качестве центров развития, а другие только как ресурсные доноры, ведет к взаимной деградации. Дешевизна рабочей силы и сырья не способствует их рациональному использованию, что обостряет глобальные социальные и экологические проблемы. Созданные в метрополиях «общества потребления» все в меньшей степени удовлетворяют разумные потребности людей, снижая порог безопасности и усиливая деструктивные тенденции. Развитие «цивилизации удовольствий» не может быть устойчивым.

Еще раз следует подчеркнуть принципиальное различие процессов интеграции и глобализации. Интеграция – это основанный на углублении общественного разделения труда процесс взаимодействия, от которого выигрывают все взаимодействующие страны. Глобализация – это отношения паразитарного типа, когда выигрыш одного оборачивается проигрышем остальных. Интеграция

основана на международном сотрудничестве, а глобализация – на отношениях господства–подчинения.

Глобализация, ранее проявлявшаяся в форме транснационализации капитала и мировом ростовщичестве, в последнее время перемещается в область финансовых спекуляций. Этому способствовали два качественных скачка: один – в мировой валютной торговле, другой – в средствах коммуникации и связи. Ежедневный объем международного валютного рынка, составлявший в 1973 г. 15 млрд долл., благодаря отказу от привязки доллара к золоту и введению «плавающего» курса валют в 1985 г. достиг 190 млрд, в 1995 г. – 1,2 трлн долларов, а в 2002 г. – свыше 2 трлн долл. В 1994 г. с началом эксплуатации линии Иркутск – Владивосток была замкнута всемирная оптико-волоконная сеть. Если в 1930 г. трехминутный разговор между Нью-Йорком и Лондоном в сопоставимых ценах стоил 300 долл., то в 1996 г. – 1 долл.[1] Внедрение компьютерных технологий и Интернета привело к опережающему росту производства виртуального продукта, структурно перестроив мировую экономику в пользу сферы услуг, прежде всего финансовых. Появилась возможность мгновенного и практически бесплатного перевода любой суммы денег из любой точки мира в любую другую, а также мгновенного получения любой информации на любую тему.

Международное денежное обращение превратилось в высоко прибыльную финансовую игру, что подтверждает предсказание Дж. Кейнса о грядущем возникновении «экономики казино». В мире циркулирует огромная сумма спекулятивных денег от одного финансового центра к другому в поисках прибыльного помещения. По оценкам Международного банка реконструкции и развития, переразмещение и перепродажа денег составляет 90% объема всех банковских операций, тогда как кредитование промышленности и торговли – лишь 10%. В «Заметках о глобализации» Дж. Сорос пишет: «До того как произошла глобализация финансовых рынков, мы вправе были считать, что забота об основных общественных ценностях должна лежать на плечах правительств отдельных стран. Но теперь, когда финансовый капитал свободно перемещается по миру, отдельные государства не могут просто так вводить у себя новые налоги и ограничения, поскольку ничто не мешает капиталу уйти из страны (сумма средств, скопившихся в оффшор-

[1] См.: *Долгов С.И.* Глобализация экономики: новое слово или новое явление. М., 1998. С. 171.

ных налоговых гаванях, составляет примерно 5 трлн долларов)... Глобализация финансовых рынков поставила крест на идее «государства всеобщего благоденствия», как она формулировалась после Второй мировой войны».

Дж. Сорос выделяет четыре принципа глобализации: 1) свободное перемещение капитала, вызванное абсолютной либерализацией этого процесса, вывод перемещения денег из-под национального и международного контроля; 2) гигантский рост количества и объемов финансовых сделок в результате создания глобальных финансово-информационных сетей на основе качественного скачка в развитии технических средств связи и дематериализации финансов (электронные деньги, расчеты и пр.); 3) организация множества безналоговых (оффшорных) зон и резкое повышение организаторами процесса глобализации их надежности; 4) ослабление суверенитета государств и разрушение финансово-валютных границ. «Глобальные» деньги становятся знаковыми средствами организации неэквивалентного обмена на несопоставимых условиях, причем в основе могущества доллара лежит военная мощь США.

Таким образом, самый известный финансовый спекулянт мира фактически полностью подтвердил вывод, что основным социально-экономическим противоречием современной эпохи выступает антагонизм процессов глобализации и самоопределения наций.

Глобализация бьет как по национальной экономике, так и по национальной культуре. Тормозя и поворачивая вспять процессы самоопределения наций, она расчеловечивает людей, последовательно уничтожая все культурные наслоения предшествующих эпох. Как справедливо заметил Ф. Кастро, «система, сводящая к нулю одну часть народа, в то время как другая живет в крайнем изобилии, с точки зрения этической недостойна называться человеческим обществом». Становление общества было процессом перехода от первобытного стада к родовой организации через обуздание полового и пищевого инстинктов. Обуздание пищевого инстинкта означало отказ от каннибализма и уравнительное распределение пищи. Суть его не в том, что пища делилась поровну, а в том, что каждый член первобытного коллектива имел право на часть созданного продукта исключительно в силу его принадлежности к коллективу. Поэтому либеральный отказ от чувства сопричастности своему народу и идеи коллективного выживания наносит удар по самым основам человеческой психики и нравственности. Если национальная культура культивирует приоритет

общественных интересов, служение человека сверхличной цели, заботу о будущем, то космополитическая контркультура фаустовского либерализма действует в прямо противоположном направлении, абсолютизируя личные интересы и третируя все, что выходит за их рамки.

Либерализм в принципе игнорирует ключевую проблему «взаимодействия с будущим», с поколениями, которые еще не могут участвовать ни в социологических опросах, ни в выборах, ни в рыночном обмене. Рыночные механизмы не предусматривают торговли с будущими поколениями, поскольку те, не имея возможности присутствовать на рынке, не обладают свойствами покупателя и не могут гарантировать эквивалентность обмена. Понимая это, последовательные либералы живут по принципу «после нас хоть потоп», который делает главной «общечеловеческой ценностью» деньги. Денежный фетишизм формирует потребительское отношение к жизни, когда способом самореализации человека становится не творчество, а потребление.

Складывающаяся структура глобального общества представляет собой откат в архаику древних. Высшую «жреческую» касту составят служители «золотого тельца», входящие в международную финансовую олигархию. Следующую касту «воинов и управляющих» образуют представители корпоративных структур, необходимые для оперативного управления мировым сообществом: политики; менеджеры ТНК; командный состав профессиональных силовых организаций и мафий для внутреннего профилактического террора в случае неповиновения; представители творческой интеллигенции для реализации технической политики и оболванивания людей через масс-культуру. В третью касту «ремесленников» войдут фермеры, квалифицированные рабочие, служащие и специалисты. Эти три касты составят «золотой миллиард» планеты, для которого останутся стандарты «общества потребления». Остальное население посредством денационализации переходит в касту «неприкасаемых», удел которой тяжелые, грязные, вредные работы и недопотребление. «Цивилизация» по-мондиалистски представляет собой тоталитарно-олигархическое общество, основанное на расистских принципах и функционирующее по модели «управляемого хаоса».

В книге «Линии горизонта» бывший директор Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали рисует будущее как торговый строй, где «власть измеряется количеством контролируе-

мых денег», а «человек будет самопроизводиться подобно товару, жизнь станет предметом искусственной фабрикации и объектом стоимости». Согласно его прогнозам, после установления нового мирового порядка, «наиболее ценной собственностью будет гражданство в пространстве доминирующих стран», которое «станет предметом купли-продажи на свободном рынке паспортов». Путем генетических манипуляций будет создана «серая раса» единого планетарного человечества, компьютерно управляемая с помощью достижений в области искусственного интеллекта.

Борьба за ресурсы между государствами преобразуется в индивидуальную борьбу за выживание. Права так называемого человека, входящего в «золотой миллиард», получают приоритет перед правами наций на самоопределение. Культ личности, выражающий национальные интересы и стремления, замещается культом «золотого тельца», богатства и индивидуального успеха. Люди-творцы уступают место биомассе потребителей и маргиналов, которая неминуемо будет сметена с лица Земли в силу неспособности к решению глобальных проблем, стоящих перед человеческой цивилизацией.